
ДУХОВЕНСТВО И МИРЯНЕ ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА: ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КАБАЛЬНОЙ ТЯЖБЫ В ШУЙСКОМ ПОГОСТЕ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Е.Д. Сулова

Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910

Статья посвящена исследованию судебного разбирательства, которое было возбуждено дьяконом Олонецкого уезда, подавшим челобитную с просьбой о взыскании с жителей Шуйского погоста долга по мирской кабале. Основанное на комплексном анализе актов и материалов переписных книг изучение социальных связей между контрагентами до и после совершения сделки позволяет не только изучить особенности участия клириков в кредитных операциях на уровне локального крестьянского сообщества, но и пересмотреть общепринятые представления о социальной трансформации духовенства в эпоху раннего нового времени.

Ключевые слова: XVII в., духовенство, приход, ссуда, социальная история, источниковедение.

Историография проблемы. Источники. Отношения духовенства и мирян в эпоху раннего нового времени редко ограничивались только рамками церковной жизни, связанной с участием в богослужениях. Необходимость поддержания благосостояния в условиях господства натурального хозяйства предопределяла формирование многочисленных связей между всеми членами местного сообщества. Помимо земледельческих работ и промысловой деятельности важной составляющей экономической жизни прихода была сфера мелкого кредита. Возникавшие между местными жителями в результате заключения сделок отношения оформлялись путем составления кабальных записей. Интенсивная законодательная деятельность середины XVI–XVII вв., регламентировавшая процедуру заключения и взыскания займов, безусловно, свидетельствует не только о расширении ссудно-кредитных операций, но и о многочисленных конфликтах, связанных с нарушением условий сделки либо законности ее оформления.

Исследование значения кабальных сделок в процессе развития крепостного права имеет богатую историографическую традицию. Однако проблема выявления специфики связей, формировавшихся между низшим духовенством и мирянами в области предоставления кредита, не привлекала внимания историков, которые ограничивались констатацией того, что представители духовенства не отказывали крестьянам в ссуде и сами брали у них в долг деньги и хлеб. Так, известный дореволюционный ученый М.М. Богослов-

ский, анализируя акты Устюжской четверти в статье, посвященной изучению функционирования системы мелкого кредитования в XVII в., обратил внимание на то, что клирики нередко выступали кредиторами, хотя и не так часто, как монастыри или «капиталисты из... посадской или крестьянской братии» (1). Возникавшие тяжбы историк связывал с тем, что мирская община не желала признавать законность кабальных сделок, заключенных ее уполномоченными (2).

В рамках рассматриваемой нами проблемы представляет интерес кандидатская диссертация М.М. Дадыкиной, которую она посвятила изучению типов формуляров и изменению клаузуального состава более чем семисот кабал, выданных Спасо-Прилуцким монастырем мирянам во второй половине XVI–XVII вв. (3). Анализ состава кабальных записей позволил сделать вывод о том, что помимо посадских и мелких землевладельцев с просьбой о предоставлении кредита к монастырским старцам обращались также священники (4). Исследуя кабалы, выданные обителю во второй половине XVII в., Дадыкина отметила, что именно в это время широкое распространение получает практика рассрочки долга и исчезает из формуляра слово «рост». Согласно ее точке зрения, проценты и неустойка стали включаться теперь в состав «убытков» (5).

Изучение особенностей ссудно-кредитных операций и той роли, которую они сыграли в социально-экономическом развитии Московского государства, было преимущественно основано на критическом анализе комплексов кабальных записей. Выявление размеров займов, условий их погашения, определение социального состава контрагентов и их местожительства не предполагало исследования всего многообразия связей, возникавших между кредитором и должниками до и после совершения сделки. Однако выяснение обстоятельств выдачи и возврата ссуд, уровня материального благосостояния сторон, перипетий их личных судеб на микроуровне позволяет выявить специфику отношений, складывавшихся внутри локального сообщества, в том числе между мирянами и представителями духовенства, в более широком социальном контексте.

Особое значение для решения поставленных задач имеет наше участие в коллективной практической работе по подготовке электронной публикации материалов фонда «Олонецкой воеводской избы» в рамках международного сотрудничества по проекту TERP (Teaching-Editing-Research Project) (6), осуществляемой в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (далее – ИЛЛМИК), действующей на историческом факультете Петрозаводского университета под руководством доцента И.А. Черняковой. В процессе работы с документами фонда, хранящегося в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и датированного второй половиной XVII в., мы выявили множество дел, связанных с ведением кабальных тяжб, возникавших между духовенством и мирянами. Особое внимание привлекло судебное разбирательство, возбужденное одним из

местных причетников, дьяконом Шуйского погоста, в середине XVII в. В процессе изучения данного казуса нам удалось найти в фонде избы актовый материал, позволяющий реконструировать социальные связи, формировавшиеся между участниками сделки. Кроме того, привлечение материалов писцовых и переписных книг XVII в., а также переписных книг солдатского сыщика Ивана Дивова 1657 г. (7) позволило выявить перипетии жизни отдельных участников конфликта.

Этапы разбирательства тяжбы. Через некоторое время после того, как исполнявший в 1656/57 г. функции старосты Шуйского погоста Калина Насонов передал полномочия Лучке Иванову Пономареву, на него и «его Калинкина старошен[ь]я на крестьян и на салдат» (8) подал челобитную дьякон погоста Гаврила Осипов. Он требовал выплаты мирского займа, составлявшего «истинны прямые пят[ь] рублевъ с четвертью», не считая «протори и убытка в волокиде полтора рубли с полугривною» (9). Несмотря на последовавшее разбирательство, тяжба затянулась: дьякон стал священником погоста до 1661 г. (10) и вскоре умер, а долг так и не был взыскан. Иск был возобновлен вдовой попадшей Федорицей Ивановой, дочерью, только в конце 1664 г. (11).

Возникает целый спектр вопросов о заинтересованности контрагентов в сделке, о степени доверия общины к бывшему старосте, о платежеспособности мирян и эффективности действий агентов власти по взысканию долгов.

Проблема заинтересованности контрагентов в сделке: позиция старосты как мирского уполномоченного. Дьякон Гаврила Осипов, по всей видимости, был прекрасно осведомлен о том, что староста и крестьяне «ден[ь]ги... заняли на государево дело на топоры и на кирки и на заступы и на смолу» (12). Староста Калина Насонов в собственной челобитной указывал, что взял ссуду для исполнения экстраординарной повинности, возложенной на местных жителей в соответствии с государевым указом. В частности, он отмечал, что на вырученные деньги «кирки, заступы, и топоры, и смола, и сено куплено, а сена... везено со всего погоста к Олонцу сорок возов, а извощиком дано в наем на всякой воз по четыре гривны» (13). За счет кредитованной суммы староста также доплатил за должников и отправил на Олонец «всякие денежные доходы и хлебные запасы рожь и овес» (14).

Причины такой поспешности в исполнении государева указа объясняются общеполитической ситуацией, сложившейся в регионе к середине 1650-х гг. Сделка была совершена в самом начале русско-шведской войны. Боевые действия, сопровождавшиеся захватом русскими отрядами острожков, расположенных вдоль северо-западного Приладожья, и осадой Корелы, прекратились после отступления царских войск, теснимых неприятелем. Затишье в крае наступило только в январе 1657 г., когда порубежные волости уже подверглись опустошительному разорению каянских немцев (15). Ведение военных действий в течение целого года потребовало значительных финансовых расходов, возложенных на местных крестьян. В сложившейся ситуации староста Шуйского погоста действовал и как агент власти, которая

требовала беспрекословного и немедленного исполнения поручения, и как представитель локального сообщества, осознававший невозможность за короткий срок собрать со всех жителей требуемую сумму и выполнить приказ без нареканий.

Дьякон Гаврила Осипов: путь к церковной должности. Кредит, предоставленный дьяконом жителям погоста, составил солидную для того времени сумму. В документах фонда приказной избы есть упоминание о том, что в 1658 г. стоимость коровы и овцы в Яндомозерской волости Великогубского конца Кижского погоста, находившейся недалеко от Шуйского погоста, была оценена в полтора рубля (16). Это означает, что на деньги, одолженные клириком, можно было приобрести как минимум двух коров и двух овец. Выяснение социального и экономического положения духовного лица до совершения займа позволяет понять, почему дьякон заключил сделку в лихолетье, когда можно было менее всего надеяться на своевременное погашение долга по мирской кабале.

Вернемся к событиям предшествующего разбирательству тяжбы десятилетия. В конце 1640-х гг. Гаврилка Осипов и его родной брат Тимонка числились в составе посадских людей Олонца (17). Вместе с ними на посад были переведены проживавшие в близлежащих деревнях Шуйского погоста Ондрюшка и Сенка Ивановы Чюсовы, а также Тараско Андреев (18). Можно думать, что причиной определения на Олонец, основанный в 1648 г. и превратившийся в административный центр Олонецкого уезда, стала их активная и успешная предпринимательская деятельность, не оставшаяся незамеченной для администрации и жителей Шуйского погоста. Из челобитной, которую подали «посадские веденцышка», узнаем, что они вели активную торговлю в Олонецком уезде, провозя товары через Повенецкий рядок и добираясь до Архангельска, Тихвина и Белоозера для участия в ярмарках (19).

Однако начало русско-шведской войны расстроило личные планы многих преуспевавших в сфере торговых операций посадских, в том числе и Гаврилы Осипова. В РГАДА в одном из многочисленных дел фонда «Приказных дел старой разборки» сохранилась челобитная, составленная в 1658 г. Трофимкой Лаврентьевым от имени всех жителей Олонца. В ней он жаловался на то, что за время ведения военной кампании со Шведским королевством жители посада, безвозмездно исполняя многочисленные государевы службы, «обдолжали великими долгами и до конца разорились» (20). Пытаясь избежать подобной участи, отмечал челобитчик, «многие... посацкие люди, болши сорока человек, для тех годовых многих и частых служб от посаду избываючи в попы и во дьяконы ставились» (21). В числе лиц, изменивших свой социальный статус, был и хорошо знакомый нам Гаврила Осипов. Данное предположение косвенно подтверждается тем, что староста Олонца Петрушка Иванов в 1659 г. потребовал взыскания с жителей посада, «которые в попы и во д[ь]яконы стали», посадского тягла за 1656/57 г. – «караульных денег и полонеником на откуп» (22). Среди указанных им должников был также

и сын ближайшего соратника Гаврилы Осипова по торговым операциям Тараски Андреева – Степан Тарасьев, прекрасно владевший грамотой и составлявший вместо отца рукоприкладные записи к документам.

Анализ актового материала и переписных книг позволяет утверждать, что никто в семействе Гаврилы Осипова ранее не служил при церкви. Так, в первой половине века писцы отмечали, что его отец, Осипко Сергеев, проживал в деревне Глупышевской «на реке на Шуе» (23). Получить место дьякона посадский человек мог, только добившись утверждения своей кандидатуры на приходских выборах. Можно думать, что, предоставив заем по мирской кабале, он и заручился поддержкой и расположением самых влиятельных членов общины – старосты Калинки Насонова и его советников.

Позиции участников конфликта в вопросе о причинах невыплаты долга. Проводившееся в течение восьми лет судебное разбирательство затянулось, и ссуда так и не была погашена в полном объеме. Документация, связанная с ведением тяжбы, представлена отписками и допросными сказками приставов, челобитными жителей погоста и бывшего старосты. Комплексный анализ источников позволил выявить различия во взглядах и понимании всеми участниками конфликта специфики тяжбы, степени принимаемой ими на себя и возлагаемой на других ответственности.

В конце 1650-х гг. Калинка Насонов подавал как минимум три челобитные с просьбой о взыскании долгов с «ослушников». В нашем распоряжении имеются две жалобы, составленные им в 1664 г. в связи с повторным рассмотрением дела. Мнение бывшего старосты во многом было предопределено перипетиями предшествовавшего разбирательства, которые в первую очередь коснулись его самого как уполномоченного представителя общины, от имени которого была заключена сделка. Несмотря на то что Калинка ездил с приставами взыскивать долги, расплачивались с ним не все жители погоста, вследствие чего уже в 1659 г. «в тех недоборных ден[ь]гах староста в мирских в заемных кабалах безпрестанно» стоял «на правежи» (24). Недовольный таким поворотом дел, он возлагал на жителей погоста вину за то, что «тому недобору учинилас[ь] бол[ь]шая мешкота и проволока». Особо подчеркивая, что «в выборе написано и в розводных списках» его «во всем... выкупат[ь], а на ослушниках правит[ь] мирским людем», Калинка Насонов жаловался, что «мирские люди на тех недоборщиков... не били челом» (25). Между тем, получив повеление «ден[ь]ги зберат[ь]» и получив «недоборные росписи», мирские люди, – с горечью отмечал Калинка, – по-прежнему «денег не берут и кабал не выкупают» (26). Кроме того, он негодовал, что жители погоста обвинили его «для их... плутовства» в злоупотреблениях, и, пересмотрев «приходные и расходные книги... дачю назад взяли», в то время как мирские «счетчики» Андрей Семенов и Василий Андреев в ноябре 1658 г. заверили на Олонце воеводу, «что ден[ь]ги довелис[ь] взят[ь] на недоборщиках» (27).

Всех жителей погоста Калинка Насонов разделял на тех, кто уплатил свою часть долга, называя их «мирскими людьми», и на тех, с которых

«осталос[ь] денег в недоборе взяти», относя их к числу «ослушников» (28). Каждая из указанных бывшим старостой групп местных жителей имела свои представления о причинах невыплаты ссуды по мирской кабале. В деле сохранилась челобитная, составленная в начале 1664 г. от имени всех «крестьян и салдаты... Шуйского конца», с которых сборщики Тимошка Ондреев и Первущка Микифоров еще до 1659 г. «противо разводных списков и заемных кабал ден[ь]ги... збирали» (29). Всю вину за случившееся они возлагали на старосту, которого подозревали в многочисленных махинациях. Так, челобитчики заявляли, что Калинка «на тех недоборщиках с приставы и с убыдки вдвоем и втроем по темъ разводным спискам правил жестоким правежом», но намеренно «кабал заемных не выкупал» (30). Более того, мирские люди не желали нести ответственность за всех должников и считали недоразумением, что по повторным челобитным кредиторов тех из них, чьи «имены в кабалах написаны, держат на смертном правежи, правят ден[ь]ги и с убытки». Ссылаясь на то, что в соответствии с государевым указом и наказными памятями воеводы деньги полагалось взыскивать только с тех лиц, которые не имели соответствующих документов об уплате долга, челобитчики надеялись на поддержку администрации, указывая, что Калинка «убытки свои бол[ь]шие и тех кабал снова... на нас... разводит[ь] хочет», несмотря на то, что у них «платежные отписи есть» (31). Взаимные обвинения, которые предъявляли друг другу староста и миряне, без сомнения, не способствовали быстрому урегулированию конфликта.

Об отношении ослушников к тяжбе известно из сказок приставов, которые были специально допрошены старостой погоста Давыдом Власьевым в январе–феврале 1665 г. Довольно лапидарные, сведения агентов власти не могли быть абсолютно бесстрастными, но, напротив, во многом являлись предвзятыми. Назначавшиеся воеводой приставы, ездившие вместе со старостой «многожды по волостямъ», не могли не сочувствовать ему (32). Оправдываясь перед Давыдкой Власьевым, они указывали, что всю сумму денег, которую взыскали, «ему Калинки отдали». Снимая с себя ответственность, «Калинкины приставы» перекладывали ее на «недоборщиков... которые-де учинилося сил[ь]ны, а инныи сошли, а инные-де измерли, и участки-де их пусты, и взяд[ь]-де стало не на ком» (33).

В нашем распоряжении имеются недоборные росписи за 1659 и 1665 гг. с указанием имен должников и суммы невыплаченной каждым из них части общемирского долга (34). Выявление социального состава недоборщиков, подробностей их жизни, основанное на привлечении актов фонда приказной избы и материалов переписной книги сыщика Ивана Дивова, позволило установить вероятные причины их неплатежеспособности.

В 1659 г. в недоборные росписи было внесено 40 имен должников, а в 1665 г. – 29. Отметим также, что двадцать три имени упоминались приставами в росписях неизменно (рис.). Анализ разнообразных сведений позволя-

ет утверждать, что среди должников числились лица, от которых менее всего можно было ожидать своевременного погашения долга. Так, в списки были внесены имена шести вдов и двух бобылей. Согласно росписи Тимошки Оконничникова недоимки вдов в 1659 г. были сопоставимы только с недоимками самых злостных неплательщиков Юшки Пепетова и Онисимки Софронова и составляли от трех до тринадцати алтын.

Рис. Образец росписи

Изучение переписных книг Ивана Дивова позволило также установить, что два должника, Котя Сулгоев и Оска Прокопьев, в 1657 г. «постриглися в старцы» (35). То, что их имена неизменно фигурируют в списках должников, позволяет сделать вывод о том, что приставы и Калинка Насонов рассчитывали на выплату долга родственниками новоявленных иноков.

В числе недоборщиков состояли также представители местного духовенства – священник погоста Дорофей Савин, а также сын и внук Ивана Афонасьева сына Пономарева – Петрушка Иванов и Остафий Лукин. Священник Дорофей Савин был включен в список должников, вероятно, потому, что, как сообщали приставы, отказался «к щету... с Калинкою... стат[ь]». Поддерживаемый Михаилом Петровым иерей заявил, что пойдет «на Олонец к щету, на то-де писцовая книга, а оны-де старосты как хотят,

так росписи пишут». Указание приставов на то, что «на то смотря, иные тож» стали так же говорить (36), позволяет предположить, что священник разделял убеждения многих прихожан, подозревавших старост и сборщиков в злоупотреблениях.

На полях недоборных списков 1659 г. против имен Осташки Лукина и Пашки Пономаревых имеются пометы о том, что с них не были взысканы деньги. Вероятно, Осташка Лукин к середине 1660-х гг. выплатил весь долг, так как уже в 1665 г. исполнял обязанности одного из трех назначенных воеводой для разбирательства дела приставов (37). Из общей суммы долга в восемь алтын четыре деньги и еще гривны «в заводе» Пашко Пономарев к 1665 г. вернул лишь один алтын без копейки. Староста Давыдка Савельев докладывал, что он по-прежнему «чинитце силен и на очи не идет» (38). Изучая документы фонда приказной избы, мы выяснили, что братья Пономаревы были связаны разнообразными кабальными обязательствами. Так, в 1664 г. на Павелку и его брата Петрушку подал челобитную с просьбой о взыскании долга по кабале посадский Дунайко Остафьев (39). Кроме того, еще в начале 1650-х гг. все семейство вело тяжбы со своими кредиторами Калиной Насоновым и Иваном Кузьминым, шурином кабацкого откупщика из Кузаранды Ивана Григорьева (40). Пытаясь вернуть огромный по размеру долг, составлявший более семидесяти четырех рублей, отец семейства Ивашко Афонасьев сын Пономарев стал, в свою очередь, требовать со всех жителей погоста возвращения денег по кабалам, которые он брал для исполнения ямской повинности в 1636/37 г. (41). Можно с уверенностью предположить, что сыновья Ивашки Пономарева если и успели рассчитаться с личными долгами, то не могли быстро восстановить собственное хозяйство и вряд ли были способны выплатить свою часть долга по мирской кабале 1656/57 г. в срок.

Кроме того, некоторые из числа «ослушников» взяли у Гаврилы Осипова индивидуальные займы, однако не только не смогли вернуть их в срок, но и уплатить в течение многих лет. Так, вдовая попадья Федорица Иванова жаловалась, что Павелка Иванов Пономарев не отдал по кабале ее мужа полкоробы ржи. Еще один «ослушник» Баженка Семенов Шестопалов не рассчитался с клириком в займе шести пудов ржи (около трехсот пятнадцати литров) (42), и позже Федорица, узнавшая о смерти должника, стала требовать выплаты долга его сыновьями – бобылем Ярасимкой и его братом Фомкой. Житель того же погоста Микифорко Корнилов, не возвращавший около пятнадцати алтын по мирской кабале, взятой Калинкой Насоновым, задолжал еще целый рубль по записи, данной Гавриле Осипову (43). Можно думать, что кредитные операции, в которые вступали представители всех страт локального сообщества с целью избежать расстройств собственного хозяйства, принимали столь широкий размах, что приводили к обратному эффекту – накоплению долгов и увеличению числа лиц, связанных разнообразными кабальными обязательствами.

Исследование документов приказной избы позволило установить, что кредит, предоставленный дьяконом, составлял только часть общемирского займа, взятого Калиной Насоновым в 1656/57 г. Одновременно с Гаврилой Осиповым челобитные с просьбой о взыскании долгов по кабальным записям были поданы вдовым священником Кондопожской волости Григорием Петровым и охудалым крестьянином погоста Сергушкой Готушковым. Сергушка Готушков требовал возврата пяти рублей с полтиной (44). Сумма кредита, предоставленная местным иереем не только старосте Калинке на мирские расходы, но и жителям Кондопожского конца, составила «врознь по кабалам денег восьми рублей» (45). Еще один заем был заключен старостой с Пятым Норыгиным, который продал ее Андрею Чюсову, потребовавшему в 1664 г. возвращения «по кабале... Норыгиной отдачи три рубли дватцат[ь] шесть алтынъ четыре алтына недоплатных денег» и выплаты убытков (46).

Бывший староста разложил сумму общемирского займа для взыскания на всех жителей погоста. Отдельные части этой суммы, которые должны были вернуть «малотчие люди» (47), оказались настолько значительными для них, что не могли не вызвать недовольства и подозрений в злоупотреблениях старост и сборщиков.

Судьба кредитора и его семейства в перипетиях тяжбы. Дьякон Гаврила Осипов недолго ждал выплаты кабального займа, предоставленного общине. Из челобитной его сына Андрюшки, поданной десятилетие спустя, узнаем, что в 1661/62 г. ставший к этому времени священником Гаврила Осипов уехал в отдаленный Селецкий Лопский погост совершать богослужения в Ильинском приходе Янгозерской выставки (48). Еще в 1658 г. жители этого прихода жаловались на то, что хотя у них «на Янгозеро есть храм поставлен Илия Фезвитянин», но «стоит многия время бес пение» – «роженицы без молитвы и младенцы бес просвещен[ь]я умирают, бол[ь]ные бес покаяния» (49). Считая, что «попы ставятца и не уживутца для того, что приход мал», и полагая, что «им бес попа добре жить невозможно... а погосты и попы удалели», они смогли добиться передачи к церкви участка земли, находившегося «под храмом блиско» (50). Гаврила Осипов был нанят янгозерцами на пятилетний срок. Косвенно это подтверждается тем, что свой двор в деревне Глупышевской священник заложил «со всеми угод[ь]и на пят[ь] летъ» посадскому Кирьянке Григорьеву (51). Решимость клирика покинуть родные края и начать жизнь на новом месте была во многом предопределена ситуацией, сложившейся в Шуйском погосте. Помимо служившего здесь еще в середине 1640-х гг. священника Дорофея Савина, богослужения совершали еще три иерея, появившиеся после 1657 г. – Зинка Александров, Богдашко Сергиев и Дружинка Поспелов. Им помогали дьякон Степан Тарасьев, а также церковный дьячок Стенка Васильев и пономарь Насонко Титов (52). Можно думать, что дьякон Гаврила Осипов менее всего мог надеяться получить место священника и тем более ожидать значительного за-

работка, необходимого для пропитания разраставшегося семейства, в котором к 1663/64 г. насчитывалось семеро «детишек» (53).

Не дослужив урочных лет, в 1663/64 г. иерей умер. Овдовевшая попадья Федорица Иванова, дочь, вынуждена была вернуться обратно в Шуйский погост, рассчитывая на поддержку близких людей (54). Именно в это время вдова более всего нуждалась в материальной поддержке, и потому для нее приобрел актуальность вопрос о возвращении местными жителями долгов по кабалам умершего мужа. Подавший одновременно с ней челобитную Андрей Иванов сын Чюсов мог поддерживать Федорицу не столько как проживавший в соседней деревне прежний товарищ ее мужа по торговым операциям, но, и, как удалось установить, ее родной брат.

Выводы. Исследование казуса о взыскании долгов по мирской кабале позволяет сделать заключение, что ссудно-кредитные операции к середине XVII в. стали обычным явлением в жизни локального сообщества. Представители всех слоев населения, в том числе и духовенства, активно участвовали в сделках не только для удовлетворения личных интересов, но и для поддержания соответствующего хозяйственного баланса общины. Широкое распространение системы кредита приводило к тому, что многие жители, особенно те из них, которые не имели достаточного уровня достатка, или же исполнявшие поручения мира и надеявшиеся в будущем на его поддержку в расчете по мирским кабалам, были опутаны многочисленными долговыми обязательствами.

Принимавшие участие в кабальных сделках представители духовенства воспринимались мирянами и администрацией как часть сообщества и не выделялись из него. Более того, сами клирики и их родственники воспринимали себя в качестве неотъемлемых членов местной общины и, можно думать, являлись выразителями чаяний и настроений собственных прихожан.

Исследование причин заключения займа позволило сделать вывод о том, что сделка была обусловлена внешним фактором – военной кампанией со Шведским королевством, потребовавшей значительных расходов. Пытаясь избежать разорения, жители уезда искали разнообразные пути выхода из ситуации, в которую они были поставлены центральной властью, менее всего учитывавшей интересы глубинки и требовавшей беспрекословного исполнения собственных распоряжений. Совпадение многочисленных устремлений, интересов и побуждений в условиях войны, безусловно, рождавшей ситуацию неопределенности, способствовало поиску взаимовыгодных решений. Можно думать, что в изучаемом казусе механизм кредитования приобрел большее значение, нежели просто экономическое. Думаем, что он стал одним из важных факторов, обеспечивших переход части посадских людей в состав страты духовенства. Сам факт перехода является свидетельством не только отсутствия каких-то запретов, которые бы препятствовали социальной мобильности, но говорит об осознании членами местного крестьянско-посадского сообщества более выгодного статуса клирика по сравнению с положением жителя посада.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Богословский М.М.* Кредит в земском хозяйстве в XVII в. // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессиональной деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 г. – 5 декабря 1909 г.). – М., 1909. – С. 38.
- (2) Там же. – С. 39.
- (3) *Дадыкина М.М.* Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI–XVII в.: дипломатическое исследование: Автореф. дисс... к.и.н. – СПб., 2005.
- (4) Там же. – С. 21.
- (5) Там же. – С. 12.
- (6) Подробнее см.: TERP // <http://illmik.petsru.ru/illmik/TERP.html>; <http://illmik.petsru.ru/illmik/TERPrus.html>.
- (7) Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Львовского 1616–1619 гг. («дворцовые земли») // РГАДА. – Ф. 1209. – Кн. 8554. – 939 л. (подлинник) (далее – ПК 1616–1619); Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Н.Ф. Панина и подьячего С. Копылова 1628–1631 гг. // РГАДА. – Ф. 1209. – Кн. 308. – 870 л. (подлинник) (далее – ПК 1628–1631); Переписная книга Заонежских погостов И.П. Писемского, Л.Г. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева 1646 г. // РГАДА. – Ф. 1209. – Кн. 980 (список XVII в.) (далее – ПК 1646); Переписная книга солдат и крестьян Олонецкого, Заонежских и Лопских погостов переписи И.С. Дивова, 1657 г. // РГАДА. – Ф. 137. Боярские и городовые книги. – Оп. 1. Олонец. – Д. 5. – 1133 л. (далее – ПК 1657).
- (8) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 3. – Д. 63. – Л. 2.
- (9) Там же. – К. 2. – Д. 78. – Л. 1.
- (10) Там же. – К. 5. – Д. 123. – Л. 2.
- (11) Там же. – Д. 180. – Л. 1.
- (12) Там же. – К. 2. – Д. 78. – Л. 1.
- (13) Там же. – К. 5. – Д. 186. – Л. 1.
- (14) Там же.
- (15) Карелия в XVII веке: сборник документов / Под ред. Р.Б. Мюллер. – Петрозаводск, 1948. – С. 122–123 (№ 81); Очерки истории Карелии / Под ред. В.Н. Бернадского, И.И. Смирнова, Я.А. Балагурова. – Петрозаводск, 1957. – Т. 1. – С. 125–126.
- (16) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 2. – Д. 92. – Л. 46.
- (17) Там же. – К. 1. – Д. 141. – Л. 4.
- (18) ПК 1646. – Л. 96 об.–97.
- (19) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 1. – Д. 148. – Л. 4–5.
- (20) РГАДА. – Ф. 141. – Д. 27. – Л. 74.
- (21) Там же.
- (22) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 2. – Д. 92. – Л. 20.
- (23) ПК 1616–1619. – Л. 106; ПК 1628–1631. – Л. 176 об.
- (24) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 3. – Д. 63. – Л. 2.
- (25) Там же. – К. 5. – Д. 186. – Л. 2–3.
- (26) Там же. – Л. 21.
- (27) Там же. – Л. 1–2.
- (28) Там же. – Л. 1.
- (29) Там же. – Л. 5.
- (30) Там же. – Л. 6.

- (31) Там же.
(32) Там же. – Л. 16.
(33) Там же. – Л. 18.
(34) Там же. – К. 3. – Д. 63. – Л. 4–5; К. 5. – Д. 186. – Л. 10–12.
(35) ПК 1657. – Л. 703 об.
(36) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 3. – Д. 63. – Л. 4.
(37) Там же. – К. 5. – Д. 186. – Л. 22.
(38) Там же. – Д. 180. – Л. 4.
(39) Там же. – Д. 83. – Л. 1.
(40) Там же. – К. 1. – Д. 24.
(41) Там же. – Д. 115.
(42) См. подробнее: *Куратов А.А.* Метрология России и Русского Севера. – Архангельск, 1991. – С. 15–16.
(43) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 5. – Д. 180. – Л. 1; Д. 50. – Л. 1.
(44) Там же. – К. 2. – Д. 86. – Л. 1.
(45) Там же. – Д. 77. – Л. 1.
(46) Там же. – К. 5. – Д. 186. – Л. 6, 9.
(47) Там же. – Л. 6.
(48) Там же. – К. 8. – Д. 163. – Л. 1.
(49) Там же. – К. 3. – Д. 81. – Л. 1.
(50) Там же. – Л. 1–2.
(51) Там же. – К. 5. – Д. 123. – Л. 1.
(52) Там же. – Д. 54. – Л. 1; ПК 1646. – Л. 95–95 об.; ПК 1657. – Л. 407–408, 703.
(53) Архив СПб ИИ РАН. – Ф. 98. – К. 5. – Д. 123. – Л. 2.
(54) Там же.

THE CLERGY AND THE PARISHIONERS IN KARELIA OF 17TH CENTURY: A CASE OF LOAN LITIGATION AT SHUYA POGOST OF OLONETS UYEZD

E.D. Suslova

Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia
Petrozavodsk State University
Lenin Ave., 33, Petrozavodsk, Russia, 185910

The article is concerned to the investigation of litigation, initiated by deacon of the Olonets district who imposed a penalty on parishioners. The research makes enable to reveal social relations that had place between the clergyman and parish community before and after the conflict. The exploration of the creditor's and debtors' lives and interests gives an opportunity not only to define the clergy's role in the development of the credit system, but to suggest a new conception for local clergy estate formation.

Key words: 17th century, clergy, parishioners, loan, social history, source investigation.